

Очерки истории земли Вятычей.

Заселение междуречья Оки и Дона

Едва ли я ошибусь, если скажу, что самой м.б. недоработанной темой в ранней истории России является история земель, составляющих её историческое ядро – древнего лесного края Вятычей (здесь и далее с заглавной буквы будет обозначаться название страны и политического объединения, как оно именовалось в древнерусский период, а строчной – название этноса) и прилегающего к ним Мурома. Северским родичам вятычей в Курской и Брянской областях и далее на запад, в Сумской, Полтавской, Черниговской областях Украины, повезло на порядок больше. Относительно вятычей хорошо изучены древности Ростово-Суздальской земли, Новгородии. Это особенно показательно на примере академического издания «Археологической панорамы» (2012 г.), где мы не найдём ни вятыческих, ни муромских древностей. Особенно парадоксальной такая ситуация кажется, учитывая, что столица нашего Отечества стоит именно на земле вятычей.

Вятычам откровенно не повезло. Они оказались самыми упорными противниками русских князей, упорно не желая входить в состав Русского государства. В связи с этим, мы практически ничего не найдём о них в русских летописях, ориентированных в первую очередь на Киев и борьбу между князьями, так или иначе с Киевом связанную. Летописцев мало интересовало, что там за пределами Русской земли. В результате мы не знаем очень многоного и важного для исторических судеб Восточной Европы. К примеру, мы не знаем, как в конце концов закончилась история автономии Северской земли, мы не знаем, как вошли в состав Галиции земли хорватов, уличей и тиверцев, мы не знаем почему Смоленщину очень долго не включали в состав «вот кто есть славяне на Руси». И конечно мы не знаем, как вошли в состав конгломерата русских княжеств Вятычи.

Кое-что конечно мы можем узнать из летописей. Автор ПВЛ сохранил для нас генеалогическое предание вятычей и радимичей о переселении их предков в лице двух братьев Вятко и Радима «от ляхов». Там же мы найдём довольно точную информацию о расселении вятычей и радимичей по рекам Оки и Сожи. Узнаем, что вятычи довольно долго платили дань хазарам и не желали платить её в Киев. Узнаем, что русские князья Святослав и его сын Владимир предприняли три попытки подчинить вятычей и по всей видимости им это так и не удалось, поскольку лесной

край, носящий в 11-12 вв. имя наших героев, считался практически не проходимым препятствием ещё при жизни Владимира Святославича. Контакты Киева с далёким ростово-сузdalским Залесьем осуществлялись кружным путём по Днепру через Смоленск и Тверское Поволжье. Тут можно вспомнить и историю Святого Глеба Владимировича, которому пришлось ехать из Мурома в Киев через Сузdal, по Волге и Днепру, где его подстерегали убийцы (для темы нашего разговора не важно так ли было на самом деле, поскольку в «Чтении» Нестора даётся совсем другая трактовка событий, но важно, что в представлении автора летописного житийного рассказа о судьбах Бориса и Глеба именно такой маршрут казался естественным). Можно вспомнить, что Владимир Мономах спустя ещё сто лет гордился тем, что проехал «сквозь Вятичи» из Поднепровья в Сузdal по поручению отца. Тут можно предположить, что все дело в том, что Владимиру тогда было всего 13 лет. Но в 1070х, когда он был фактически соправителем отца и черниговским князем, ему пришлось совершить два похода (!) против некоего Ходоты и затем его сына, которые были лидерами вятичей (князьями их Мономах, что характерно, не называет).

Видимо, походы Мономаха стали началом конца вятической истории. Территория их начинает медленно, но уверенно осваиваться русскими князьями. Итогом войны 1070-х гг. стало разделение Вятической земли на три части. Одна из них (Подмосковье) вошла в состав Ростово-Сузdalской земли, приписанной к Переяславскому княжеству и Ростовской епархии. Из них одна с центром в городе Рязань (будущее Рязанское княжество) в административном отношении поначалу была связана с Муромом и приписана к Черниговскому княжеству и соответствующей епархии. Ещё в 14-15 вв. московские летописцы помнили, что гордые и воинственные рязанцы были потомками таких же непокорных вятичей. Наконец, третья часть, сохранившая собственно название Вятичи, также была приписана к Чернигову, но сохраняла значительную автономию во внутренних делах и совершенно не желала принимать христианство. Ещё около 1110-1114 гг. ретивый печорский монах Кукша, отправившийся проповедовать слово Христово упорным язычникам, нашёл здесь мученический венец. Автор ПВЛ описывает примерно в эти же годы языческие обряды вятичей. Археологи уверенно говорят о язычестве вятичей вплоть до монголо-татарского нашествия. Центром этой урезанной Вятической земли (включавшей земли Тульской, Орловской, Калужской областей с прилегающими районами) был город Дедославль. Непосредственное управление осуществляла местная знать, а верховным органом власти было вече, собиравшееся в Дедославле. Такое своеобразное положение «Малых Вятичей» в системе Русского государства не мешало черниговским князьям 12 века обустраивать именно здесь свой домен. Вятичи были далеко и гораздо меньше страдали от разорений половцев и дружин конкурирующих русских князей. В итоге, в начале 13 века в Вятичах мы видим россыпь княжеских крепостей-резиденций, среди которых особенно

выделяется «город-герой» Козельск (он же «злой город»), прославившийся своим сопротивлением монголо-татарским захватчикам. После уничтожения Черниговского княжества монголо-татарами, именно эти крепости стали убежищем потомкам и наследникам черниговских Ольговичей. С этих пор край получил название «Верховские княжества». Впрочем, ряд историков сомневается в том, что «верховские» были потомками Рюриковичей, так как ДНК-анализ показал, что «потомки» Владимира Мономаха и Ольговичей имели разных предков. Впрочем, трудно представить, что за тысячелетнюю историю рода Рюриковичей все жены были верны своим супругам. Как бы там ни было, но есть мнение, что «верховские» были местными правителями Вятычей и пользуясь смутой приписали себе русскую родословную. Впрочем, всё это было потом и к нашей теме не относится, так как нас интересует ранняя история вятычей.

Кроме вышеназванных скучных летописных сведений, которые позволяют набросать контур истории этого древнего народа, у нас есть описание «страны славян» «Вантит», которую ряд исследователей отождествляет с летописными вятычами, путанные хазарские источники, и конечно археологические материалы. Их, как уже было сказано выше, удручающе мало, но они есть. Опираясь на эти сведения, по крайней мере предположить о том, какой была история страны Вятычи. И, надо сказать, история эта оказывается весьма неожиданной.

Ядром Вятычей 9-10 вв. было междуречье Оки и Дона, бассейн реки Упы (совр. Тульская область). Археология сегодня, как отмечает А.В. Григорьев, является единственным источником по истории славянской колонизации этого края. Источник этот далеко не полный ввиду ПОЛНОЙ неизученности памятников 10 века и крайне слабой изученности материалов к. 10 – нач. 11 вв. Тем не менее, имеющиеся предварительные результаты исследований позволяют наметить основные тенденции в процессе заселения территории в период становления древнерусского государства.

У нас нет данных, позволяющих датировать приход славян в бассейн р. Упы ранее начала 9 в. Как правило, поселения славян основывались в местах, ранее освоенных носителями балтской мосцинской культуры. Народ, оставивший памятники этой культуры, исследователи отождествляют с летописной голядью, проживающей в 11-12 вв. в верховьях реки Протвы. Голядь или точнее, наверное, галинды (племя с таким же названием сохранялось в Пруссии) так же, как и вятычи умудрялись сохранять обособленность, проживая в самом сердце Древнерусского государства. Конечно, это нужно связывать с тем, что они занимали довольно глухие лесные районы и не представляли особой ценности для первых русских князей, занятых другими, более актуальными делами. При сыновьях и внуках Ярослава Мудрого они становятся жертвой

грабительских походов киевских и черниговских князей, заинтересованных в увеличении населения в своих доменах.

Контакты славян с автохтонами были крайне ограничены. Этот вывод следует из анализа местной гидронимики: сохраняется балтское название реки Упы, но при этом большинство ее притоков получают славянские имена. С балтским влиянием связывают традицию сооружения деревянных камер в курганах и распространение некоторых видов украшений у женщин. Однако, А.В. Григорьев отмечает, что эти заимствования не обязательно связывать с местным наследием. Дело в том, что науке не известны мощинские памятники, датируемые временем позже 7 века. Столетняя лакуна между этой датой и первыми славянскими поселенцами исключает возможность какого-либо контакта.

Происхождение первых колонистов определяется достаточно однозначно. В предшествующий переселению период, во второй половине 8 – начале 9 вв., на территориях, лежащих к востоку от Днепра, достоверные славянские памятники известны лишь в пределах Северской земли. Связь первых поселенцев Упы с Северской землей подтверждается некоторыми особенностями материальной культуры. К примеру, печи, характерные для ранних построек поселения у д. Уткино. Некоторые черты культур бассейна Упы и Северы, схожие на начальном этапе, в дальнейшем расходятся. Конструкт жилых построек Упы развивается значительно быстрее, чем на Левобережье Днепра и в Подонье. Уже к концу 9 в. вятическое жилище резко отличается от последних. С другой стороны, наличие деревянных оградок и других конструкций под курганами, известных лишь на ранних северских могильниках, продолжает существовать значительно позже в Верхней Оке и на Дону. Характерные для роменской культуры лучевые височные кольца совершенно нестандартно интерпретируются мастерами из вятического городища Супруты. В орнаментации лепной керамики напротив традиции бассейна Упы более архаичны, нежели у их западных соседей.

Таким образом, мы с полной уверенностью можем утверждать, что предки вятичей (как видимо и радимичей, с которыми наших героев очень тесно связывает традиция) пришли в места своего исторического проживания из Северской земли. Их материальная культура была теснейшим образом связана с роменской культурой летописной северы, но при этом она очень рано пошла своим собственным самобытным путем. Более того, памятники культуры вятичей 9 века позволяют сделать вывод о том, что развивалась она более быстро, чем в Северской земле. О причинах этого мы поговорим чуть позже. Однако, мы не можем утверждать, что вятичи и радимичи были всего лишь выделившимися из северского объединения «племенами».

В начале 9 века Северская земля была ещё недостаточно освоенным краем. Местное население – потомки антов и колочинцев – было немногочисленным, пришельцы – северяне, пришедшие по всей видимости с Балкан в конце 8 века, также не могли отличаться большой численностью. В общем, причин и человеческих ресурсов для освоения новых территорий, уступающих благодатностью территории Северской земли, просто не было в начале 9 века. Логично предположить, что за летописным преданием о Вятко и Радиме, пришедших «от ляхов», лежит какая-то историческая правда. Тогда мы можем предложить следующую реконструкцию событий: на рубеже 8-9 вв., вслед за дунайским эмигрантами (севера), на восток от Днепра двинулись новые группы славянского населения «от ляхов», возглавляемые легендарными Вятко и Радимом. Они держались достаточно обособленно, чтобы смешаться с северой, но будучи переселенцами неизбежно испытывали сильное влияние роменцев, через земли которых они двигались в поисках новой родины, в материальной культуре. Вероятно, переселенцы испытывали недостаток в женщинах, а северские родичи рады были им помочь. В то суровое время девочки в семьях не особенно ценились. В пользу того, что новая волна славянских переселенцев с Запада была в первую очередь организованной группой молодёжи, а не целым народом, как балканские северы, бежавшие от разорения и ужасов болгаро-византийских войн, говорит, как раз тот факт, что акцент у них сделан на именах вождей, которые легли в основу новых этнонимов вятычей и радимичей. Ведь других таких этнонимов история славян не знает. Следовательно, эти названия родились уже в процессе обретения новой родины. Не исключено, что новые переселенцы были выходцами из самых разных славянских племён.

* <https://ortnit.livejournal.com/143436.html> -- **Очерки истории земли Вятычей. Часть 2.**

В последнее время реконструкции истории вятычей посвятил ряд работ А.А. Майоров (мне на сегодняшний день известно 11 его статей). Работы его представляются весьма интересными и смелыми, хотя порой поверхностными. Тем не менее, явно готовится монография, остается надеяться, что она увидит свет. В одной из своих статей автор обратился к проблеме происхождения летописной легенды о братьях Вятко и Радиме.

Автор предполагает, что за преданием о появлении «Вятко с родом своим» на Оке лежит история о переселении одного относительно небольшого рода, возможно призванного проживавшим здесь уже населением. Он приходит к такому предположению на том основании, что археология не выделяет следов переселения многочисленного племени, которое обязательно (по его мнению) должно оставить после себя пожарища

поселений местных жителей, как это предполагается археологами в случае с кривичами. Однако, учитывая, что москвичи покинули регион за сто лет до появления здесь славян, а на Левобережье Днепра антское и колочинское население было «зачищено» скорее всего степняками также задолго до расселения роменских мигрантов, какие поселения должны были сжигать «правятичи» не очень понятно. Но, сама идея весьма интересна. Выходит, что сначала какое-то славянское население освоило Верхнюю Оку, а затем, как и в случае с Рюриком или Само на Дунае, призвало к себе знатного иноземца, положившего начало княжескому роду Вятычей, от которого получило своё имя и их княжение. Майоров связывает происхождение Вятыч с моравами (на основании того, что подобные княжеские имена (Вячеслав) характерны именно для чехоморавского региона) и относит к периоду нестабильности на Среднем Дунае, вплоть до венгерского вторжения (начало X века). Такое омоложение этнонима «вятычи» кажется излишним. У нас нет реальных оснований для того, чтобы предполагать, что вятычи когда-то носили другой этноним. Отсутствие вятычей и радимичей (а также полян и скорее всего северов) в «Баварском Географе» не может об этом свидетельствовать. В тоже время, есть веские основания предполагать, что именно вятычи скрываются за «страной Вантит» арабских географических трактатов, восходящих к «Анонимной записке» IX века.

Итак, можно с определённой долей уверенности предполагать, что в начале IX вв. переселение группы славянского населения возглавлял князь западнославянского происхождения по имени Вятыч и его народ именно на этом основании получил имя «вятычи». Переселение «правятичей» и «прарадимичей», учитывая дату и вероятную их прародину, возможно нужно связывать с событиями, происходившими в конце VIII в. в Аварском каганате. К сожалению, наши сведения об этом периоде аварской истории не блещут подробностями. Однако можно предполагать, что авары активизировали свою внешнюю политику. Мы знаем, что в 788 г. с ними заключил союз баварский герцог Тассило, рассчитывая сбросить власть Карла Великого. Это намекает на то, что авары представляли грозную силу. Тем не менее, в последующие 10 лет франки сокрушили баварского герцога, а затем, совместно со славянами, уничтожили аварскую державу. Последующие передвижки племен, связанные с этими событиями, также могли стать толчком к переселению значительной группы населения.

Помимо «правятичей» в освоении Верхнего Печоры приняла активное участие группа населения, которая принесла с собой традиции производства керамики волынцевского типа. В Северском цикле очерков уже приходилось отмечать, что выделять волынцевские древности в особую культуру, связанную с развитием позднеантской пеньковской или именьковской культур, предшествующую роменской археологической культуре летописных северян представляется не верным. На сегодняшний

день можно говорить о том, что волынцевская и роменская культура зарождаются синхронно. Волынцевские древности представляют собой слой в составе роменской культуры. Производство предметов элитарного характера, именуемых волынцевскими, было сосредоточено, судя по имеющимся данным, на Битицком городище и после уничтожения этого укрепленного поселения волынцевские древности исчезают в ареале роменской культуры.

Волынцевцы составляли элиту славянского населения Левобережья Днепра. Битица служила центром дружинной корпорации, связанной своим происхождением, судя по ряду признаков, со степью. Волынцевские древности маркируют зону, подконтрольную этой дружине – земли летописных северян, вятичей, радимичей и правобережных полян. Эта территория совпадает с территорией летописных «племён», выплачивающих дань хазарам, согласно преданию. Учитывая этот факт и упомянутое степное происхождение битицкой дружины, логично предположить, что эта дружина представляла собой вассальную хазарам группировку, задачей которой было обеспечивать сбор дани с подвластного славянского населения. Потребности дружиныников обеспечивала группа ремесленников, продукция которых широко распространялась по всему подконтрольному региону. Кроме собственно высококачественной волынцевской керамики, известны также подражания ей. После некоего конфликта, который привёл к уничтожению Битицы и битицкой дружины, произошёл отток волынцевцев на окраины – на Правобережье Днепра (сахновская культура), в Вятичах, в салтовском Подонье (в небольшом количестве горшки волынцевского типа известны на салтовских памятниках – Дмитриевском могильнике, Жовтневе, Саркеле). Дата создания Саркела служит верхней хронологической границей падения волынцевской элиты. На славянских памятниках Лесостепного Дона подобная керамика (и упрощённые подражания ей) присутствует в крайне ограниченном количестве. В Верхнем Поочье эта керамика известна в материалах поселений Болохово и Уткино, но наиболее ярко она представлена на поселении у д. Торхово, где ее доля составляет ок. 5%, а в отдельных комплексах достигает 15%. Присутствие на указанном поселении фрагментов амфорной керамики, керамики и вещей салтовского типа делает его необычайно схожим с раннероменскими памятниками волынцевского типа.

Подводя итог анализу упомянутых событий, А.В. Григорьев пишет: «Можно предположить, что после каких-то событий, произошедших в Северской земле в 1-й четв. IX в. и явно неблагоприятных для носителей волынцевских традиций, часть этого населения переместилась на восток, в районы, более зависимые от центральной администрации Хазарского каганата. Основная масса переселенцев обосновалась в бассейне Упы, о чем говорит материал расположенных здесь памятников. Отдельные

представители продолжили движение вниз по р. Дон, где растворились в среде славянского и алано-болгарского населения. В месте основной своей концентрации, в междуречье Оки и Дона, волынцевское население прослеживается вплоть до конца раннего периода, т.е. до нач. X в. В свете изложенных выше наблюдений можно констатировать, что в нач. IX в. славяне совместно с частью носителей волынцевских древностей с территории Северской земли переселяются в верховья Оки и на Упу. При этом открывается путь к освоению Дона вплоть до г. Саркел и Тмутаракань, где славянское присутствие в следующем X в. весьма ощутимо. Возникает закономерный вопрос: что послужило причиной такого массового перемещения населения? Если для «волынцевцев» решение этого вопроса достаточно очевидно, то для славянского населения подобная активность требует объяснения. Плотность населения на Днепровском Левобережье во 2-й пол. VIII — нач. IX вв. была не так высока, чтобы вызвать дефицит земель. Климатические и природные условия осваиваемых территорий для земледельческого в основе своей населения были хуже, чем на оставленных лесостепных землях. Поэтому причины переселенческой активности, вероятно, следует искать в межплеменных различиях в славянской среде и в перспективности новообретённых территорий».

Упомянутая «перспективность» Верхнего Поочья была связана с формированием Донского торгового пути.

* <https://ortnit.livejournal.com/144084.html> -- **Очерки истории земли Вятчей. Часть 3.**

В свое время М.В. Грацианский предложил оригинальную гипотезу происхождения этнонима «вятичи», связав его с этнонимами «венеты», «венеды», «анты», выводя из общей основы «vent-» и связывая со словами типа «вятший» (старший, лучший) и т.д. (Грацианский М.В. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА «АНТЫ»). О том, что касается доказательности статьи в отношении собственно главного объекта её — этнонима антов — судить не берусь. Но, по поводу вятичей, на мой взгляд, в силу изложенного в первых главах, можно сделать вывод, что ни сантами их на прямую связать нельзя, ни оспаривать летописную версию происхождения названия вятичей особых причин (кроме большого желания) нет. Хотя, имя вождя — эпонима вятичей (Вятко — Вячеслав?) восходит к тому же корню.

Итак, мы остановились на том, что малопривлекательные в сельскохозяйственном отношении территории Верхнего Поочья вдруг оказались объектом пристального интереса со стороны земледельцев — славян, устремившихся в эти края, минуя плодороднейшие в Европе

чернозёмы Левобережной Украины, осваиваемые их сородичами – роменцами. Как уже было сказано ранее, археолог А.В. Григорьев, выводы которого стали основой этого цикла очерков, связал миграцию «правятичей» в этот регион с возникновением Донского торгового пути, связывающего славянские земли с Арабским халифатом. Вновь процитируем упомянутого автора: «С самого начала IX в. в бассейн Упы и на территорию, непосредственно прилегающую к региону с юга, в междуречье р. Осётр и Беспута, начинает поступать арабское серебро. Этот процесс хорошо фиксируется по отложившимся здесь кладам монет, относящихся к первому и второму периодам обращения дирхема. Концентрация кладов IX в. столь высока, что может считаться одной из наибольших для Восточной Европы. Полное совпадение времени поступления дирхема и существования памятников раннего периода, определяемого нач. IX – нач. X вв., позволяет предположить связь этих явлений. Подобная связь возможна при условии прохождения через изучаемую территорию важных торговых путей и участия в их функционировании местного населения».

Дискуссия по поводу существования Донского торгового пути длится уже не одно десятилетие. Противниками ключевой роли этой трассы в трансконтинентальной торговле между Европой и Арабским халифатом выступали В.Л. Янин и В.В. Кропоткин. Хотя, ситуация, как кажется, вполне очевидная. На активную торговую деятельность вдоль реки и её притоков, соединяющих Подонье с Окой, указывает не только множество кладов арабского серебра, но и хазарская политика в этом направлении. Подонье было одним из самых развитых регионов Хазарского каганата. Живущие здесь, на границе с вятичами, аланы (яссы русских летописей) были создателями салтово-маяцкой культуры, под влиянием которой находились и сами хазары, и степные болгары (булгары или протобулгары, если угодно), и волынцевцы.

Одним из самых ярких элементов салтовской культуры были знаменитые белокаменные крепости, возвышавшиеся на юго-восточных рубежах страны Вятичей. Одна из первооткрывателей салтовских древностей, С.А. Плетнева, видела в этих крепостях замки болгарских феодалов, вассалов хазарского кагана. Д.Т. Березовец предположил, что донские крепости – это остатки Русского каганата, вассального Хазарии и отвечавшего за сбор дани со славян. Е.С. Галкина развила идею Д.Т. Березовца, отметив, что каган не может быть вассалом по определению. Далее, автор предложила увлекательную историю противостояния двух каганатов – Русского, созданного аланами (рухс-ас), и Хазарского, - за гегемонию в Восточной Европе, которая закончилась поражением и уничтожением Донской Руси хазарами и их союзниками мадьярами. Б.А. Рыбаков, анализируя карту анонимного географического трактата X века «Худуд аль-Алам», также высказал мнение о связи донских

крепостей с Русью. Автор одной из последних работ, посвящённых салтовцам, А.А. Тортика, уверенно связала крепости с Хазарией. Наконец, Ваш покорный слуга, творчески объединив теории Плетневой и Галкиной, высказал мнение, что часть крепостей могли построить «внутренние булгары» ХАА, соответствующие болгарам хана Котрага, ушедшими от хазар на другой берег Дона, согласно Константину Багрянородному. Под их властью могли находиться лесостепные аланы – салтовцы, а помощь в строительстве крепостей могли оказать специалисты из Дунайской Болгарии, точно так же, как специалисты из враждебной Дунайской Болгарии Византии помогали хазарам в строительстве Саркела и, видимо, аналогичных ему крепостей в том же регионе. Как бы там ни было, мы видим, что желающих получить свой кусок за счёт торговли в этом регионе было достаточно. Кто бы ни строил белокаменные крепости в лесостепном Подонье, хазары активно проводили политику по обеспечению контроля над донской торговлей и главным их центром в этом регионе был Саркел. Кроме того, как показывают новейшие исследования, значительная часть крепостей из белого камня дожила до X века и кому бы они не принадлежали изначально, в конце концов эти крепости стали оплотом власти Хазарии в этом регионе.

Впрочем, вернёмся к вятичам. Говоря о кладах дирхемов, А.В. Григорьев отмечает, что все они располагаются к югу от Оки, зачастую на значительном удалении от последней. Далее он пишет: «Если допустить, что дирхемы поступали по пути Волга-Ока, то направление их дальнейшего движения определяется весьма точно: либо Северская земля (Десна и Сейм), либо Среднее и Нижнее Подонье. Предположить, что монетное серебро поступало на большую часть территории, входившей в Хазарский каганат, дальним обходным путём, крайне сложно. Если же принять за основу направление движения куфических монет с юга на север, по р. Дон, то топография кладов получает логическое объяснение (рис. 59). Поступавшее в бассейн Упы серебро далее расходилось по двум направлениям. Часть его уходила на запад, в верховья Оки, (последующим выходом на Десну. Это направление кладов отмечено в следующих пунктах: Лапотково (816/817 г.), Супруты (866 г.), Мишнево (869 г.), Бобыли (875/876 г.), возможно, Тимофеевка в.) и Протасово (841/842 г.). Другое ответвление пути шло на юг, к устью р. Москва, и маркируется десятью кладами IX в. Высокая степень концентрации кладов в пределах ограничений территории может объясняться не только активным функционированием торговых путей. Возможно, определённую роль сыграло и политико-географическое положение региона. Согласно письменным источникам (как русским, так и хазарским), вплоть до сер. X в. вятичи входили в состав Хазарского каганата. Славянские поселения, которые можно было бы датировать IX в., севернее Оки неизвестны. Соответственно, в указанное время р. Ока являлась естественной северной границей и земли вятичей, и каганата в целом. Активное выпадение

кладов на границе государственного образования перед выходом за пределы его юрисдикции вполне объяснимо. Интересно отметить, что другая зона высокой концентрации кладов дирхемов IX в. в Восточной Европе расположена у г. Старая Ладога, в месте перехода речного участка пути в морской».

Проанализировав возможные маршруты, связывающие Дон и Упу, автор приходит к следующему выводу: «Соотнесение гипотетических водных путей с расположением кладов куфических монет и памятников раннего периода даёт все основания предполагать, что в IX — нач. X вв. активно функционировал торговый путь, связывающий р. Дон с верхним и средним участками течения р. Ока. Выделяются наиболее вероятные для этого времени маршруты перехода из р. Дон в бассейн р. Упа: через Иван-озеро — р. Шат и по р. Уперта, и два направления дальнейшего движения: на север, по р. Тулица — р. Осётр, на запад по р. Упа, а с другой стороны, можно отметить, что все известные на сегодня памятники раннего периода связаны с различными участками этих путей (рис. 59).

Вероятно, начало функционирования транзитного торгового пути по р. Дон в нач. IX в. вызвало необходимость его обслуживания на весьма сложном для движения участке при переходе в бассейн р. Ока. Перспективность контроля над важным торговым узлом, скорее всего и послужила одной из основных причин движения сюда славянского населения. Славянская колонизация региона в полной мере отвечала и интересам Хазарского каганата. Благодаря ей значительно расширялась зона влияния каганата на Донской торговый путь».

Экономика кочевников не самодостаточна, в отличие от экономики оседлого населения. Политические объединения, созданные кочевниками, будь то геродотова Скифия, Гуннская держава Аттилы, Тюркский или Аварский каганат, Дунайская Болгария и т.д., в том числе и Хазария, строились на эксплуатации как покоренных степняков, так земледельческих социумов. Земледельцы были нужны как для того, чтобы обеспечивать господствующий этнос продуктами сельского хозяйства для личного потребления, так и для экспорта. Наиболее яркий и хрестоматийный пример: хлебная торговля скифов с полисами Эгейского моря в V в. до н.э. В «Очерках истории Северской земли» было продемонстрировано, что есть веские основания предполагать, что хазары также активно экспортировали хлеб, выращиваемый жителями Днепровского Левобережья, на рынки Ближнего Востока. Именно эта торговля, выгодная также для северян — роменцев, обеспечивала приток серебра в Северскую землю и привела к расцвету роменской культуры в X веке.

Хазары способствовали земледельческой колонизации своих малозаселенных окраин. Видимо после арабских походов на Северный

Кавказ, хазарский каган позволил аланским беженцам поселиться на Дону, где ими была создана блестящая салтовская культура. Столь же заинтересованными были хазары и в переселениях славян. В конце VIII века поток славянских эмигрантов начал осваивать запустевшие столетием раньше старые антские и колочинские земли Левобережной Украины. Позднее славянские поселенцы боршевской археологической культуры активно осваивали уже собственно хазарские просторы. Как было указано в предыдущей части, следы их обнаруживаются и в Саркеле, и в Тмутаракани. Очевидно, что и в Верхнем Поочье происходили схожие процессы, однако ситуация в формирующихся Вятичах существенно отличалась от раннего этапа освоения Северской земли.

Об особенностях земли Вятичей на раннем этапе её истории мы и поговорим в следующей главе.

* <https://ortnit.livejournal.com/144313.html> -- **Очерки истории земли Вятичей. Часть 4 (начало)**

Последние части представляют собой практически дословный пересказ труда А.В. Григорьева, поскольку информация тут главным образом археологическая, добавить мне нечего, оспаривать выводы археолога (как это порой бывает, например, с работами Носова, где изложенные факты несколько расходятся с выводами), на мой взгляд, не разумно.

Несмотря на то, что ранние вятические поселения исследованы мало, мы можем судить по имеющимся материалам о структуре поселений в бассейне Упы. Уже одно это даёт нам важную информацию. Всё указывает на то, что поселенцы (в отличие от роменского населения Левобережья, например) пришли в эти края достаточно организованно. Поселения располагались так, чтобы обеспечивать функционирование торговой трассы Дон-Упа-Ока, проходящей по этим землям. А.В. Григорьев пишет: «Изначальная связь пришлого населения с интересами торгового пути и, соответственно, с возникающими при его обслуживании возможностями во многом повлияла на развитие и дальнейшую историю славян бассейна Упы. Очевидно, на всем протяжении раннего периода славяне не ставили своей целью полное хозяйственное освоение региона. Весьма резкая граница между лесом и степью с отдельными небольшими участками лесостепи при относительно низких среднегодовых температурах делали территорию малопривлекательной для земледельческого населения. Тем более, что лежащих к югу районах, оптимальных для сельского хозяйства, в рассматриваемое время дефицита земель не было. Активная колонизация в IX в. лесостепных районов Среднего Дона подтверждает это предположение».

По функциональному назначению памятники вятыней раннего периода можно разделить на три группы.

I группа. Крупные, площадью в несколько гектаров, открытые поселения, расположенные в ключевых точках различных участков пути. Это поселение Уткино, находящееся на слиянии Упы и Уперты, поселение Слободка на р. Шат и Торховское поселение на волоке из Тулицы в Осётр. Вероятно, эти памятники играли главную роль в обеспечении деятельности пути и его контроле. Хозяйственная деятельность жителей поселков первой группы, несомненно, была в какой-то мере связана с обеспечением проводки торговых караванов. Возможно, население поддерживало в рабочем состоянии пути волоков, оказывало помощь в перетаскивании судов и товаров, участвовало в ремонте кораблей и снабжении купцов продовольствием. Логично предположить и совершение незначительных торговых операций. Количество импортов и изделий из драгоценных металлов в материалах этих памятников не столь велико, чтобы предполагать наличие активной торговли.

Обеспечение функционирования путей было важным, но вряд ли основным видом деятельности населения посёлков. Оно могло дать дополнительные доходы, но было не в состоянии в значительной мере обеспечить жизнь всего населения. Основу существования указанных поселений, как и подавляющего большинства славянских памятников той эпохи, составляло сельское хозяйство. Выводы об уровне развития земледелия А.В. Григорьев делает, опираясь на количество и объём зерновых ям: «Количество «житных» ям на поселениях Торхово и Уткино в соотношении с количеством изученных жилых построек то же, что и на других памятниках роменского типа, т.е. примерно равное. Расположены они также в зависимости от расположения жилищ. Исключение составляют материалы раскопок Г.Е. Шебанина на поселении у д. Слободка. На изученном участке памятника жилые постройки зафиксированы не были, а зерновые ямы образовывали компактную группу вдоль склона мыса. Видимо, зерно, хранившееся в этих ямах, предназначалось не для посева, как на большинстве других поселений, а для продажи. Основное движение по рекам приходилось на период весеннего паводка, и потому использование приёмов длительного зимнего хранения зерна вполне оправдано. Однако окончательное решение данного вопроса будет возможно лишь после проведения раскопок большей площади памятника.

Средний запас зерна в ямах несколько выше, чем на близких по времени городищах Новотроицкое и Титчиха. В пересчёте на пшеницу в ямах поселения Уткино он составлял 0,84 т, а в ямах Торхово — 0,89 т. Для сравнения: ямы Новотроицкого содержали в среднем 0,79 т, Титчихи — 0,71 т. Большие запасы зерна, предназначенного для посева, указывают на большую площадь обрабатываемых земель, но не говорят о более высоком уровне земледелия. Качественные земли Левобережья Днепра и

Лесостепного Дона при меньшей обработанной площади могли дать много больший урожай. Возможно, увеличение размеров пашни в бассейне Упы было вызвано худшим качеством почвы и, как следствие, худшими урожаями».

II группа. Небольшие по размерам памятники, часто расположенные на мосцинских городищах (Свисталово, Щепилово) или дополнительно укрепленные (Снедка). Они могут рассматриваться как промежуточные при движении по Упе или второстепенным волокам. Эти памятники изучены гораздо хуже, поэтому говорить о развитии на них земледелия можно лишь предварительно: «Зерновые ямы фиксировались на Свисталовском городище, но их датировка осталась неопределенной. Подобие житных ям отмечается в раскопках Щепилово, но для более обоснованных предположений материал этого памятника непригоден. Близость материалов указанных поселений с материалами памятников первой группы позволяет предполагать и их близость в развитии земледелия. Малые площади поселений и, соответственно, небольшое население указывают на крайне малую вероятность производства какой-то части зерна на продажу».

III группа представлена всего одним поселением — городищем Супруты. Оно резко выделяется из общей картины развития земледелия в регионе: «При том что на памятнике раскопано около половины его площади, не было зафиксировано ни одной ямы славянского периода, по своим параметрам близкой к «житной». В то же время материалы Супрут содержат наибольшее количество пахотных орудий — здесь найдены практически все известные начальники и плужные ножи. Данное противоречие может быть разрешено двумя способами. Первое — можно предположить, что местное население активно занималось земледелием, но не использовало для хранения посевного зерна специальных ям. Учитывая, что традиция «ямиться семенами» широко распространена на всех изученных раскопками соседних памятниках, подобное допущение вряд ли возможно. Изменение столь устойчивой традиции, сохранявшейся на юге России вплоть до XIX в., не могло произойти единовременно. Даже столь быстро изменившиеся в местных условиях конструкции жилых построек на ранних этапах существования Супрутского городища сохраняли углубленный в землю жилой котлован. Если бы под влиянием тех или иных факторов жители поселения отказались от своих традиций, то этот процесс должен был происходить в течение некоторого времени и ямы раннего этапа жизни городища фиксировались бы при раскопках. Более вероятным представляется предположение о крайне слабом развитии земледелия, его вспомогательной роли в жизни поселения. Значительное количество орудий труда, в том числе найденных в виде «кладов», может указывать на то, что они либо произведены на городище, либо приобретены в ходе торговых операций, но в любом случае предназначены для дальнейшей продажи».

Страна Вятичей выделяется на фоне всех остальных славянских территорий, находящихся в сфере влияния Хазарского каганата уровнем развития ремёсел: «Ремесло, в том числе обработка железа, в бассейне Упы получило широкое распространение. Этому могли способствовать как активное влияние со стороны каганата, так и хорошая сырьевая база. Залежи железной руды имеются в целом ряде мест Тульской области. Не случайно в 1632 г. на месте поселения у д. Торхово был сооружён первый в России железоделательный завод. Выходы руды по берегам р. Синетулица хорошо видны и сегодня. Здесь же был изучен сырьедутный горной пол. IX в., аналогичный горнам салтовской культуры. Добыча и производство железа отмечены также на поселениях Уткино и Щепилово. Вероятно, добыча и первичная обработка железа занимали значительное место в хозяйстве поселений первой и второй групп. В то же время отчётильных следов кузнечного производства на означенных памятниках не выявлено».

Супруты вновь резко контрастируют с общей картиной. На городище нет следов добычи и первичной обработки железной руды. В тоже время, именно на этом памятнике С. А. Изюмовой были отмечены следы кузнечного производства. Ее выводы подтвердили позднейшие раскопки, выявившие кузнечные шлаки. Также в Супрутах было без сомнений развито ювелирное ремесло. Создается впечатление, что рядовые поселения и Супрутское городище в совокупности образовывали единый производственный цикл — от добычи руды до готового изделия.

Подтверждают этот вывод данные о ювелирном ремесле: «Ювелирное ремесло в значительной мере зависело от поступления цветного и драгоценного металла и потому было тесно связано с торговлей. Говорить о развитии этого вида ремесла можно лишь для Супрутского городища. Тут производилась основная часть популярных украшений, таких как лучевые серьги и серьги салтовского типа, здесь же отмечены большая концентрация находок льячек, выплесков цветного металла, отдельные литейные формочки и предметы ювелирного инструмента. Уровень развития ювелирного дела на Супрутах, по сравнению с уровнем его развития у большинства восточнославянского населения, может быть признан весьма высоким. Здесь активно применялось двустороннее литье по модели из свинцово-оловянных сплавов, создавались новые, совершенно оригинальные формы традиционных украшений. Не будет преувеличением сказать, что некоторые из творческих находок местных мастеров, например височные кольца с «ложными фестонами», послужили прототипами целого направления позднейших славянских и древнерусских украшений. Некоторые из украшений Супрут не имеют патологий в археологическом материале. Большая часть предметов, изготовленных супрутскими ювелирами, не попадала на сопредельные поселения. Они либо оставались в пределах городища, либо становились предметами дальней торговли».

Торговля по определению должна была играть особую роль в жизни местного населения. Однако её влияние на памятники отмеченных групп различно. На поселениях первой группы и не отличающихся от них по характеру материала поселениях второй группы свидетельствами торговли могут служить только предметы импорта. Это, прежде всего украшения салтовского и финно-угорского облика, детали поясных наборов, конской упряжки и вооружение степного облика, фрагменты качественной салтовской столовой посуды и амфор, многочисленные ближневосточные стеклянные бусы. Монеты в материалах этих групп памятников отмечены лишь на щипиловском городище. Совокупность импортов указывает на южное, хазарское направление их поступления.

Уровень развития торговли на Супрутском городище, несомненно, выше, чем на сопредельных памятниках. Здесь широко представлены предметы торгового инвентаря. Изделия из драгоценного металла и монеты. Предметы импорта также значительно разнообразнее по своему происхождению. Как и на других памятниках, основная часть привозных вещей связана с южным, степным направлением. По Дону, вероятно, поступали многочисленные предметы конной упряжки, поясных наборов, украшения из цветного металла, стекла, сердолика и горного хрусталя. Оттуда же поступали амфорная тара и качественная столовая посуда. С восточными традициями связано и денежно-весовая система, применявшаяся населением городища. Однако помимо вещей южного происхождения, на памятнике отчётливо прослеживается группа изделий, очевидно поступивших с севера. Это удила и их детали, выполненные в стиле Borre, и скандинавские по своему происхождению украшения, и не характерные для восточных славян костяные гребни. С северным направлением торговли могут быть связаны гривна «глазовского» типа, фрагмент гривны из железного перевитого дрота, ладьевидные подвески и топор типа V (по А.Н. Кирпичникову).

Судя по богатству и характеру материала, именно на Супрутском городище происходили основные торговые операции. Активное участие поселения в транзитной торговле подтверждается и полным совпадением части материалов городища с материалами кладов. Так, предметы из состава Железницкого клада (возможно и Каширского) необычно близки предметами из коллекции Супрут. Состав монет, найденных на поселении, полностью соответствует составу кладов второго периода обращения дирхема. Такая близость ещё раз подтверждает датировку памятника и указывает на его неразрывную связь с функционированием Донского торгового пути в IX – нач. X вв.

Как показывает исследование А.В. Григорьева, различия в степени и характере участия поселений региона в обеспечении деятельности торгового пути отразили на развитии социальных структур. На памятниках I группы, прежде всего Торховском, отчётливо прослеживается усадебный

характер застройки. В бассейне Упы усадебный принцип застройки поселений фиксируется уже на памятниках IX в., в то время как на территории Северской земли о подобной системе планировки можно уверенно говорить, начиная лишь с X в. Первоначально, вероятно, в силу малой концентрации населения, размеры дворов превышали 500 кв. м, но во 2-й пол. IX в. они сокращаются до 300 кв. м, что соответствует средним размерам усадеб поселений роменской культуры, зафиксированных на памятниках Северской земли [Григорьев А. В., 2000. С. 189].

Наличие усадеб однозначно указывает на существование частной собственности на землю в пределах поселений и может говорить об индивидуальном характере ведения хозяйства. Согласно «Повести временных лет», основным объектом налогообложения у вятичей изначально являлся «дым», что также указывает на двор как основную хозяйственную единицу.

Другие черты, характеризующие социальные отношения на поселениях изучаемой территории, которые можно проследить по материалам археологии, мало отличаются от данных, имеющихся по Северской земле. Соотношение на памятниках количества зерновых ям большого, среднего и малого объёмов показывает, что процесс роста доли больших и малых ям за счёт сокращения процента ям среднего объёма находится в начальной стадии. Расслоение между владельцами больших и малых запасов зерна ещё не столь велико, хозяева ям средних размеров составляют около 1/3 населения. Предметы вооружения, конской сбруи, поясных наборов и украшения распределяются по памятникам первой и второй групп весьма равномерно. Их количество сопоставимо с концентрацией подобных находок на памятниках роменского типа других регионов.

Совершенно иная картина, что уже не удивляет, социальных отношений прослеживается в материалах Супрутского городища. К сожалению, уровень фиксации большинства жилых построек не позволяет однозначно определить принцип застройки поселения. Однако высокая плотность построек на последнем этапе при небольшой площади поселения указывает на малую вероятность существования здесь выраженных усадеб. Большое количество находок предметов конской сбруи, вооружения и деталей поясов может говорить о том, что значительная, если не большая, часть мужского населения была вооружена. Жители посёлка в целом были намного богаче жителей прилегающих территорий. Основные виды их деятельности — военное дело, торговля, кузнечное и ювелирное ремесло — резко выделяются на фоне сельскохозяйственной округи. Можно с большой долей вероятности предполагать, что на Супрутском поселении проживала небольшая группа дружинников с семьями.

Численность населения Супрут, учитывая плотность расположения жилищ на раскопанной части и предполагаемое общее число их на

памятнике (40-60 жилых построек) и число зафиксированных останков жителей посёлка (111 человек), едва ли превышало 300 человек. Таким образом, на поселении проживало около 50-ти мужчин активного возраста.

Система отношений внутри небольшой дружины, а, следовательно, и всего посёлка, должна была сильно отличаться от социальных отношений внутри сельских поселений. Здесь значительно ярче выражены имущественные и социальные различия. Так, роскошный сбруйный и поясной наборы из клада 1969 г. могли принадлежать явно не рядовому друдиннику. В то же время никаких свидетельств о развитии владельческих отношений на землю в материалах Супрут не имеется.

* <https://ortnit.livejournal.com/144614.html> -- **Очерки истории земли Вятичей. Часть 4 (конец)**

Супрутское городище настолько отличается от остальных памятников бассейна Упы, а также от всех известных синхронных поселений роменского типа, что невольно возникает вопрос об этнической принадлежности памятников. Ведь это даже как-то не прилично, если окажется, что супрутская дружина была славянской. Тем более, что и салтовские артефакты находят, а есть веские основания полагать, что в Битицком городище, выполнявшем функции, аналогичные Супрутам, в Северской земле, волынцевская дружина была степного происхождения (болгарского или хазарского, возможно). И даже «скандинавские», как было указано выше, вещи в Супрутах обнаружены. А это, по логике некоторых товарищей, непременно должно означать, что в Супрутах был отряд варягов! К слову, совсем недавно мне примерно такой вопрос задали. Ну что ж, вновь обратимся к А.В. Григорьеву за консультацией:

«Судя по наиболее устойчивым этническим признакам, таким как традиции сооружения жилых построек и производства керамики, основную часть населения Супрут, Торхово, Уткино и, возможно, других менее изученных поселений региона составляли славяне. Материалы поселений Торхово и Уткино позволяют говорить о присутствии на этих памятниках заметного количества носителей волынцевских древностей. Это население (очевидно, родственное салтовскому) фиксируется не только по наличию характерной керамики. Степные традиции отмечаются в конструкциях некоторых из жилищ, производственных сооружений (горн в Торхово) и хозяйственных построек. Широкое распространение на памятниках получают трехлопастные наконечники стрел, которые из-за простоты изготовления вряд ли можно рассматривать в качестве предметов импорта. Процент «волынцевской» керамики в славянских слоях указанных памятников невысок и, вероятно, указывает на долю волынцевского населения.

В коллекции Супрутского городища материалы салтовского круга представлены очень широко и разнообразно. Однако предметы степного облика здесь, скорее всего, являлись импортом. Все они относятся к категории вещей, сложных в изготовлении. Это детали конской сбруи, поясов, украшения из цветных и драгоценных металлов. Качественная столовая керамика близка посуде собственно салтово-маяцкой культуры, а не волынцевской. Следов пребывания на памятнике населения, родственного салтовскому, не фиксировалось. Углубленные в землю жилые постройки раннего этапа совершенно идентичны славянским и не носят следов влияния степных традиций. Фрагменты волынцевских сосудов единичны и, по-видимому, связаны с соседними памятниками. Отсутствуют и трехлопастные наконечники стрел.

Наличие в регионе в рассматриваемое время заметного количества представителей иных этнических групп представляется весьма сомнительным. Найдки на всех без исключения памятниках украшений финно-угорского и, возможно, балтского облика могут указывать лишь на тесные связи с ближайшими соседями, поскольку в других, более устойчивых чертах материальной культуры влияние не отмечается. Возможно, какая-то часть автохтонного населения и выходцы из финно-угорских земель входили в состав населения бассейна Упы, но их количество и степень влияния на формирование материальной культуры были столь незначительны, что совершенно не фиксируются археологически.

Помимо вещей славянского, салтовского, балтского и финно-угорского облика, в материалах Супрут содержится целая серия предметов скандинавского происхождения. С учётом дружинного характера памятника возникает вопрос о присутствии на поселении выходцев из Скандинавии (по аналогии с известными памятниками в Гнездово, Тимерево и Шестовицах). Однако сам факт наличия на городище скандинавских вещей ещё не может однозначно указывать на присутствие скандинавского населения. Жители Супрут активно участвовали в международной торговле, и в материалах памятника имеются предметы, происходящие из разных частей Европы и Азии. Скандинавские вещи представлены технологически сложными предметами: удилами в стиле Borre, браслетами с глубоким орнаментом, необычайно сложной щитовидной подвеской, костяными гребнями и т. п. Все они, бесспорно, не производились на месте и могли являться объектами импорта. Многие из указанных вещей использовались в совокупности с изделиями совершенно иной этнической принадлежности. К примеру, удила входили в комплект уздечного набора с деталями салтовского происхождения, щитовидная подвеска найдена на костяке вместе с подвеской степного облика и финно-угорской шумящей подвеской, фрагмент скандинавских удил находился в комплексе с салтовской пряжкой, роменским наконечником стрелы и

керамикой. Комплексов, в которых материал скандинавского облика был бы представлен пусть даже небольшой серией, на памятнике не обнаружено. Следует отметить и то, что в представительной коллекции, полученной за многие годы, не имеется ни одного фрагмента черепаховидной фибулы. Полное отсутствие этой категории находок, столь характерной для памятников с отчётиком скандинавским влиянием, может свидетельствовать об отличиях в традиционном костюме жительниц Супрут и Скандинавии».

Таким образом, резюмирует автор, имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что основную часть населения на всех памятниках бассейна Упы составляли славяне. На ряде поселений присутствовали также носители древностей волынцевского типа. Положение последних отличалось от того, каким оно было в предшествующее время в Северской земле. Если на Левобережье Днепра «волынцевцы» составляли этносоциальную верхушку общества, то с приходом в междуречье Оки и Дона они перестают чем-либо отличаться от рядового сельского населения. Отсутствие их в составе супрутской дружины говорит об изменении этнических приоритетов.

Вятичи в начале IX века представляли собой довольно специфическое в социально-политическом плане явление. В последние годы очень модно говорить о том, что русь в IX- X вв. представляла собой что-то вроде «торговой корпорации», типа Ост- и Вест-Индских компаний или компаний Гудзонова залива. У меня таких ассоциаций не возникает, однако, в большей степени это было бы справедливо в отношении организации населения в бассейне Упы. Социально-политическая организация здесь во многом отличалась и от организации соседних восточнославянских земель, и от позднейших дружинных центров. А.В. Григорьев характеризует её следующим образом: «Расхождение торгового пути по двум направлениям и многовариантность перехода из бассейна Дона в бассейн Оки исключали совмещение всех функций по обеспечению его деятельности в пределах одного поселения. Для технической поддержки работы пути требовалось несколько поселений, расположенных на наиболее сложных и ответственных участках. Административные функции, включавшие защиту пути, сбор податей и торговые операции, не могли быть распределены по всем этим поселениям. В качестве единого центра возникает небольшое поселение на Супрутском городище. Оно располагалось примерно на равном расстоянии от основных, узловых пунктов. Небольшая конная дружина могла достичь практически любой точки региона в течение одного дня.

Существование постоянной дружины не характерно для восточных славян. То, что дружинники с семьями не обосновались ни на одном из крупных поселений, а устроили маленький посёлок в стороне, во многом может объясняться и недоверием местных жителей к группе вооружённых

людей. Вероятно, супрутская дружиная организация была весьма закрытым институтом. За столетие своего существования поселение не увеличило своей площади, оставаясь в пределах площадки городища первых веков н. э. Не наблюдается даже тенденции к превращению его в крупное открытое торгово-ремесленное поселение (ОТРП).

Какова была степень подчинённости поселений региона супрутской администрации, определить сложно. Если в Северской земле взаимозависимость центров и округи основывалась прежде всего на тесных экономических и племенных связях, то в рассматриваемом регионе причина единства территории, вероятно, была иной. Предположить прочные родоплеменные связи между поселениями колонистов, расположенными на значительном удалении друг от друга, чрезвычайно сложно. Ещё менее вероятно существование подобных отношений между поселениями региона и супрутской дружиной. Экономически известные поселения представляются совершенно самодостаточными. Все они имели прямой выход на внешний рынок и не нуждались в каких-либо посредниках. Предполагаемые экономические связи округи и Супрутского городища в большей степени обеспечивали потребности последнего и не могли являться основой единства территории. Напротив, они, вероятно, возникли в результате сложения административной системы. Открытый характер поселков указывает на отсутствие серьёзной военной угрозы, что также не способствовало установлению прочных внутрирегиональных связей».

Думаю можно согласиться с автором, что единственным фактором, объединявшим территорию бассейна Упы в IX в., являлось наличие транзитного торгового пути: «Роль, отводившаяся тому или иному поселению в функционировании пути, определяла его положение в системе. Управление регионом скорее всего осуществлялось с Супрутского городища. Вероятно, здесь решались основные вопросы по обеспечению деятельности пути и собирались пошлины с торговых караванов. Не исключено, что дружина являлась посредником при сборе налога с местного населения в пользу Хазарского каганата.

Участие супрутской дружины и её предводителя во внутренней жизни окрестных поселений представляется маловероятным. В целом положение местной дружины в жизни общества вряд ли сопоставимо с тем местом, которое занимала древнерусская дружина. Социально-политическая организация славян междуречья Днепра и Дона в IX—X вв. практически исключала существование постоянной дружины. Никаких следов её пребывания на всей этой обширной территории не выявлено. Трудно предположить, что в бассейне Упы те же славяне, находившиеся на том же уровне социально-экономического развития, имели принципиально иную социально-политическую организацию. Возникновение здесь дружины

было вызвано не процессами развития общества, а исключительно потребностями контроля торгового пути.

Военная организация славян, построенная на основе ополчения, была пригодна для ведения масштабных, но эпизодических боевых действий. Против небольших, но профессиональных мобильных отрядов, она была совершенно не эффективна. Контролировать торговые караваны, одновременно являвшиеся разбойничими шайками, мог только постоянный вооруженный отряд. Вероятно, это была единственная цель создания супрутской дружины. Прочная связь с небольшим поселением, этническая однородность, отсутствие заметного роста в течение столетия косвенно указывают на то, что местная дружина была именно создана, а не самоорганизовалась под влиянием обстоятельств. В формировании своеобразного военного поселения на Супрутском городище могли принимать участие как пришлые славянские колонисты, так и хазарская администрация. Внимание последней к Донскому пути в нач. IX в. прослеживается достаточно отчётливо, свидетельством чему служит постройка Саркела. Возможно, на отдалённом северном рубеже каганата функции контроля были делегированы специально созданному славянскому отряду».

Итак, Вятичи (как географическое и политическое явление) и вятичи (как этнос) возникли в начале IX века как своеобразная славянская колония на северной границе славянских земель и Хазарского каганата. На протяжении всего девятого столетия главной их целью было обеспечение функционирования важного участка трансъевропейского торгового пути. Судя по всему, переселенцы появились в этом регионе по соглашению с хазарским правительством. Анализ поздних летописных преданий и археологических материалов позволяет предположить, что это была хорошо организованная группа выходцев из разных скорее всего племен, возглавляемая выходцами из западнославянского региона, возможно Моравии.

Находясь на важном торговом пути, вятичи достаточно быстро развивались в культурном и хозяйственном плане, опережая многих своих сородичей: «При таком же высоком, как на юге, уровне развития земледелия здесь наблюдаются более высокие темпы развития в других отраслях хозяйства. Так, необычайно быстро совершенствуются навыки домашнего строительства. Наземные постройки становятся ведущим типом жилища уже со 2-й пол. IX в., в то время как в Северской земле и Подонье они появляются лишь в нач. XI в. Усадебный принцип застройки поселений фиксируется на памятниках Упы с IX в., в Северской земле — лишь с X в. При небольших в целом объёмах раскопок на поселениях региона отчётливо видно развитое производство железа — в значительно больших объёмах, чем на других территориях. Следы активной торговли, зафиксированные на Супрутском городище, уникальны для памятников роменского круга. В

общем, уровень развития материальной культуры славян междуречья Дона и Оки несколько выше, чем на других территориях распространения культур роменского облика».

Как мы видим, Вятичи были достаточно ярким явлением славянской истории IX века. Логично предположить, что сведения о них могли отразиться в письменных источниках. И для этого есть все основания. Уже давно была высказана мысль, что именно Вятичи скрываются за загадочным названием страны Вантит, упоминаемой в арабо-персидской географической литературе того времени. К анализу этих сообщений мы и обратимся в следующем очерке.

* <https://ortnit.livejournal.com/151963.html> -- **Очерки истории земли Вятичей. Часть 5**

Супруги в иностранных источниках

Известие, которое традиционно связывается с Вятичами, широко известно среди интересующихся историей славян и Руси. Классический его вариант в изложении персидского учёного – энциклопедиста 1-й половины X века ибн-Русте: «... И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва . т (Ва . ит). Путь в эту сторону идёт по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся улья и мёд. Называется это у них улишдж, и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду. И они народ, пасущий свиней, как (мы) овец. (...Далее следует этнографическое описание: погребальные обычаи, музыкальные инструменты, добывание мёда и т.п.). Орудие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав», зовется у них свт-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет другой пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живёт, называется Джарваб, и в этом городе ежемесячно в течении трёх дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней,

разжигают огонь и раскаляют камни до высшей степени, их обливают водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают даже одежду. В таком жилье остаются до весны. Царь ежегодно обезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из её платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот даёт по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдаёт под надзор одного из правителей на окраинах своих владений».

Вокруг этого сообщения сломано немало копий. Теорий основных, собственно, две. Часть исследователей считает, что здесь описана Земля Вятичей (Вантит). Наиболее ярко и полно эта гипотеза изложена у Б.А. Рыбакова в монографии «Киевская Русь и русские княжества 12-13 вв.». Вторая гипотеза утверждает, что речь идёт о Прикарпатье (Хурдаб = Хорват). Есть ещё мнение, что это какое-то аморфное коллективное описание ВСЕХ славян. Остальные гипотезы в том или ином виде являются вариациями «восточной» (Вятичи) и «западной» (Прикарпатье) гипотез. К примеру, я когда-то давно я придерживался мнения, что Хурдаб на самом деле это Червень, а ибн-Русте описывает Волынь. Но, затем, познакомившись с работой А.Г. Шпилева («О соотнесении «страны славян» ибн-Русте с Северской землёй 2-й трети IX в.»), поменял свою точку зрения. Весьма популярная в историографии последних лет гипотеза о том, что «Страна славян» это некое моравско-хорватское государство Святополка I Моравского иначе как на недоразумении не основана. Великая Моравия – государство христианское. Ибн-Русте описывает языческое государство. Собственно, кроме сомнительногоозвучия «Хурдаб» - «Хорват», оно опирается только на имя или титул верховного славянского правителя («Свиет-малик» или «Свтплк» в зависимости от того, что видят в оригинале переводчики). Б. Рыбаков видел в этом слове попытку передачи титула «светлый князь», известный также из былин (так называют Владимира Красно Солнышко) и из греко-русских договоров Вещего Олега, где он и другие русские князья названы «великими и светлыми». Однако, даже если предположить, что перед нами имя славянского правителя (учитывая, что рядом приводится другой титул «глава глав», и простое человеческое желание узнать имя какого-нибудь славянского правителя той далёкой эпохи, это очень соблазнительно), то нет ничего странного в том, что имя правителя вятичей совпадает с именем моравского государя. Даже имя легендарного предка вятичей скорее всего западнославянского происхождения! Выводы Шпилева подкупают тем, что основаны на анализе подробно описанного погребального обряда славян. Он считает, что речь идёт о некоем политическом единстве Северы и Вятичей, ещё не осознавших свою особость.

Весьма любопытен опыт Б. Рыбакова по локализации главного города «страны славян» Хурдаба (он считал, что это некий вятичский центр Корьдно, но последующие исследования привели историков к мысли, что «Корьдно» никогда не существовал, это плод неверного прочтения летописи). Б. Рыбаков опирается на «Худуд-аль-Алем». По его выводам, Хурдаб располагается на водоразделе, известном позднее как Муровский шлях, где-то в бассейне реки Упы, Хурдаба достигает река «Рута». Едва ли что-то лучше подойдет здесь нежели Супруты, хотя здесь все не так просто и меня не оставляют некоторые сомнения, которые впрочем сложно обосновать иначе как «я хочу, чтобы это было Битицкое городище!» С «Вантитом» все объясняется еще проще возможно. Термин, которым определяется этот топоним, не означает собственно город. У него довольно широкий диапазон значений, в том числе «страна». Я думаю, что кто-то чего-то не понял и на самом деле «Вантит» (Вятичи) – это название округи, а «Хурдаб» - ее административный центр. Но, тут можно рассматривать самые разные варианты.

В связи с упоминанием Хурдаба, очень важно определить к какому времени относятся известия об этом центре славян. Ибн-Русте опирался, как считается, на некий не дошедший до нас географический трактат, именуемый «Анонимной запиской». Он представлял собой описание народов Восточной Европы и особенно интересен в связи с тем, что именно в нем впервые, судя по всему, упоминается «Остров русов». Датировки «Анонимной записки» весьма разняться у разных исследователей, как и трактовка его данных. К этому трактату восходят кроме ибн-Русте также «Худуд-ал-Алем», более поздние трактаты Гардизи и Марвази. Я придерживаюсь мнения, что все редакции «Анонима» нужно рассматривать в совокупности, чтобы избежать ошибок. Сторонники алано-донского происхождения Руси опираются главным образом на данные «Худуд...», а я считаю, что координатная сетка в этом компилятивном труде нарушена. Это моё личное мнение, так как я конечно же далеко не специалист. Аланисты в лице Е. Галкиной («Тайны Русского каганата») датируют «Анонима» первой половиной 9 века. Самые поздние датировки относятся к 890-м, если мне память не изменяет.

Итак, какие датирующие признаки мы можем найти в текстах этой традиции?

1. Ибн-Русте знает о титуле «царя русов» - хакан. Первое достоверное и датированное его упоминание мы находим под 839 г. в Берлинских анналах;
2. Русские купцы торгуют в Хазарии и Булгаре (по ибн-Хордадбегу русские караваны приходят в Багдад);

3. Русы – язычники (по ибн-Хордадбегу русы – христиане, точнее называют себя христианами, но он им не верит; первое крещение Руси относится к 867 г., приблизительно);

4. Ни один из наших источников, восходящих к «Анонимной записке» ничего не говорит о нападения русов на Рум, то есть как минимум царьградский поход 860 г., наделавший в Средиземноморье много шума, автору трактата был не известен;

5. Ибн-Русте уже знает среди жителей Причерноморья мадьяр, но «Анонимная записка» определённо знала и значительную часть мадьяр ещё в заволжских степях, то есть процесс переселения был в самом разгаре; Марвази уточняет, что мадьяры совершают набеги на славян и русов (!);

6. Гардизи, который с моей точки зрения особенно важен для уточнения проживания различных этносов Восточной Европы, сообщает, что в-н-н-др – христианский народ, с которым на берегу большой реки граничат мадьяры (Аноним знал в-н-н-др, о соседстве их с мадьярами и горе рядом, что следует из краткого указания ХАА). Гора отделяет венендеров от народа Мардат или Мирват, описание которых напоминает каких-то бедуинов, но кажется здесь ошибка, так как «мардаты» Гардизи явно – Великая Моравия, отделённая Карпатами от Дунайской Болгарии. Болгарии соответствуют «венендеры». Мадьяры были северными соседями Болгарии с 836 г. до 890-х.

7. Казалось бы, характеристика «слабых» венендеров менее всего подходит к Болгарии 9 века, но описание Гардизи вполне точное: «христиане, слабые, но когда-то брали дань с Рума». Это описание актуально для первой половины правления Бориса I, когда Болгария переживала весьма нелёгкие времена. С 864 г. она стала христианской страной.

8. Ибн-Русте сообщает, что хазарский каган не имеет реальной власти и называет два хазарских города (Саркел и Ханбалык по Заходеру). Саркел был основан около 836-839 гг. Миссия Константина Философа 860 г. описывает кагана Захарию как вполне себе самовластного правителя. А. Комар высказал предположение, что политический кризис, лишивший каганов реальной власти и отдавший её в руки беков-Буланидов имел место после 860 г. С этим событием нужно связывать, очевидно, также миграцию каваров к мадьярам.

На мой взгляд, по совокупности данных, предварительных и требующих уточнения (!), «Анонимную записку» нужно датировать временем между крещением Болгарии и первым крещением Руси, 864-867 гг. Хотя прямого указания на нападение русов на Византию нет, но описание жестокого нападения русов на некоего врага вполне соотносится со зверствами 860 г. При этом, безусловно, какие-то отдельные сведения, например, о

расселении мадьяр, могут восходить к более ранним источникам. Таким образом, мы можем датировать 860-ми дни славы Супрутского городища, центра страны Вятычей.

* <https://ortnit.livejournal.com/152254.html> -- **Очерки истории земли Вятычей. Часть 6**

Гибель Супрут

Гибель Супрутского городища – ключевой момент в ранней истории вятычей. Поворотный момент. А.В. Григорьев: «Можно предположить наличие двух основных сил, которые могли нанести столь сокрушительный удар по славянским поселениям бассейна Упы. В кон. IX – нач. X вв. в донских степях появляются печенеги. С их деятельностью связывается гибель многих поселений салтово-маяцкой культуры и части славянских памятников Северской земли [Плетнева С. А., 1981. С. 65; Григорьев А. В., 2000. С. 183, 184]. Возможность осуществления печенегами рейда в верховья Дона вполне вероятна. В то же время в нач. X в. отмечается активность различных русских дружин как по днепровскому, так и по волжскому направлениям. Чтобы установить, кто мог уничтожить столь важный узел торгового пути, прежде всего необходимо ещё раз обратиться к материалам памятников.

Поселения Торхово и Уткино не содержат материалов, которые могли бы даже приблизительно указать на происхождение нападавших. Более того, следы пожаров при отсутствии костяков позволяют предполагать различные варианты гибели этих поселений. Население могло оставить посёлок ввиду непосредственной угрозы, могло быть угнано нападавшими или перебито в процессе бегства на окраинах и за пределами поселения. Очевидно лишь то, что каких-либо серьёзных столкновений в пределах поселений не происходило.

Значительно больше информации содержится в материалах Супрутского городища. Процесс гибели этого памятника может быть реконструирован достаточно детально. Концентрация находок наконечников стрел, обломков топоров и поясных бляшек по юго-восточному склону городища, за пределами распространения культурного слоя, указывают на направление штурма со стороны реки. Наличие временных захоронений в подклетах жилищ говорит о том, что штурм предпринимался не единожды. Люди, погибшие в первых столкновениях, были положены в холод в ожидании погребения после снятия осады. Очевидно, что нападавшие были сильно ограничены во времени. В пользу последнего говорят, во-первых, многочисленные вещи из драгоценных

металлов, оставшиеся на костяках; разграбление посёлка было произведено очень поверхностно. Во-вторых, процесс сбора тел защитников в кучи для дальнейшего погребения был прерван в самом начале.

Приведённые наблюдения могут указывать на то, что нападавшие прибыли по реке на кораблях. Этим объясняется и направление штурма, и спешка, вероятно, связанная с краткостью периода судоходства, зависящего от продолжительности паводка». А.В. Григорьев, придерживающийся норманистских взглядов, отмечает, что в целом характер нападения не свойственен для степных кочевников, в большей степени он присущ тем, кого он определяет «северными дружинами». Подтверждением этому служит состав наконечников стрел, найденных в слое пожара городища. Около 1/3 наконечников относится к типам, характерным для северных районов Европы, в том числе хорошо представлены столь обычные для дружинных древностей «ланцетовидные» наконечники. Напротив, никаких следов участия в штурме носителей степных традиций в материалах памятника не имеется.

С.А. Изюмова предполагала связь гибели Супрутского городища с деятельностью древнерусской дружины. Она относила эти события ко времени походов на вятичей князя Владимира Святославича, а в более поздних работах — к походу 965 г. Святослава Игоревича [Изюмова С. А., 1971. С. 76; 1983. С. 90]. А.В. Григорьев пересмотрел эти датировки. Проведённый им анализ материала показывает, что гибель как Супрутского поселения, так и других памятников раннего периода относится к более раннему времени, вероятнее всего, к 10-м гг. X в. Участие киевской дружины в этом предприятии вызывает у археолога сомнения: «Киев явно не располагал достаточными силами для масштабных действий в столь отдалённых районах. В это время всего в нескольких десятках километров от Киева располагалось совершенно независимое и враждебное объединение уличей, зависимость других ближайших соседей — древлян — была крайне непрочной. Предпринимать в таких условиях дальний поход через земли недружелюбно настроенных объединений северян и вятичей было неоправданным риском. Вплоть до похода Святослава Игоревича в 964 г. летопись не отмечает какой-либо деятельности киевских князей на территориях, лежащих к востоку от Днепра. Замечание о том, что князь «нальзе Ватичи» [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 53], может указывать на первое столкновение киевской дружины с этим объединением. Во-вторых, полное разорение изучаемого участка Донского пути не приносило Киевской Руси ни малейшей выгоды. Более того, в результате разгрома полностью прекратило функционировать западное ответвление пути, по которому куфическое серебро поступало в сторону Киева».

Действуя как настоящий детектив, А.В. Григорьев начинает искать «кому выгодно». Исходя из того, что после разгрома Супрут Донской путь с

полностью утрачивает свое значение, практически все движение монетного серебра идет по Волге, в целом северный участок пути заметно смещается к востоку от р. Дон и выходит на р. Ока в районе Рязани, он ищет виновных в лице некоторых «древнерусских факторий, расположенных в верховьях Волги», которые значительно усиливали свой контроль за монетными потоками в Восточной Европе после прекращения движения серебра через бассейн р. Упы. Весьма показательным диагнозом для современной науки являются эта «Волжская Русь», которую Григорьев обвиняет в целом ряде исторических событий начала 10 века. При этом он полностью следует за рассуждениями А.П. Новосельцева. Упомянутый автор предлагает следующую гипотезу: в районе 909—914 гг. именно волжские русы совершают ряд длительных походов на Каспий [Новосельцев А. П., 1990. С. 212, 213]. А.П. Новосельцев является довольно крупным исследователем, он востоковед, хазаровед, специалист по средневековой истории стран Кавказа и Закавказья, Ирана, Древней Руси. Тем большее недоумение вызывают его построения, пользующиеся такой популярностью в современной историографии. Как далее пишет А.В. Григорьев: «Возможностей осуществить набегу дружин, располагавшихся на Верхней Волге, было также значительно больше, чем у киевских. Меньшим было расстояние, отделяющее от Среднего Поочья, не было на пути и сильных объединений, способных серьёзно затруднить продвижение. Более благоприятной для дальних походов была обстановка вокруг дружинных поселений: мощные враждебные славянские объединения здесь отсутствовали. Активность верхневолжских русских дружин в это время подтверждается арабскими источниками». Однако, в таком вопросе логичнее обратиться к самим арабам. Описывая большой поход русов на Каспий, аль-Масуди довольно подробно описывает маршрут нападавших: Черное море – Керченский пролив – Дон – переволока – Волга – Каспий. Таким образом, А.П. Новосельцев просто выдумал «Волжскую Русь» в угоду своим взглядам на прошлое. Археология, конечно, выделяет какие-то «дружинные» центры в этом регионе (Сарское городище, Тимиревский комплекс), однако, едва ли у этих небольших населённых пунктов была возможность организовать столь масштабное мероприятие, каким был описанный аль-Масуди поход. «Арабский Геродот» отмечает, что русский флот состоял из 500 кораблей по 100 человек на каждом. Цифры, конечно, завышены, но даже если поделить их на 10, сила останется весьма внушительной, особенно для того времени. Маршрут русов совпадает с маршрутом русских торговых караванов, описанным ибн-Хордадбегом полувеком примерно ранее. Это ясно свидетельствует в пользу того, что в 9-10 вв. в Восточной Европе было лишь одно Русское политическое объединение, достойное внимания – Русский каганат и сменившая его Киевская Русь, а помещать это политическое образование необходимо не на далеком Севере, в районе Ладоги или Сарского с Тимиревым, а на Юго-западе Восточной Европы. Как рассуждают сами сторонники «волжской» гипотезы, расстояние по Волге было гораздо короче.

Следовательно, если бы «Русский каганат» или какие-то «фактории» находились на Севере, то следовало бы ожидать, что караваны и военные отряды двигались бы более удобным путем вниз по Волге, вместо того, чтобы предпринимать адский круиз по пресловутому пути «из варяг в греки» вокруг всей Восточной Европы.

В чем с А.В. Григорьевым можно согласиться, так это в том, что скорее всего уничтожение Супрут следует связывать с событиями Каспийского похода. Приблизительно в 912-914 г. (датировки плавают в этом диапазоне), из самого масштабного каспийского похода «за зипунами» возвращается в Хазарию русская армада. По договору Хазария пропускала через свои территории флот в обмен за долю в добыче, но когда русь прибыла из похода, расплатилась с хазарами и устроилась на отдых, скорее всего, где-то в районе Волгодонска, у переволоки, мусульманская гвардия хазарских «царей» - беков вдруг решила отомстить за ограбленных единоверцев противоположного побережья Каспия (из доли в которой они несомненно получили свои подарки, зп и премии). У меня остается гаденькое предположение, что нападение на уставший русский флот было инициировано самим «царем», чтобы, со одной стороны, прикрыться от претензий мусульманских «партнеров» из Ирана и Азербайджана, с другой, ликвидировать русскую угрозу (по официальной версии, предлагаемой аль-Масуди, русские угрозой заставили хазар пропустить их флот), а также, из меркантильных побуждений – зачем получать часть добычи, если можно хапнуть все, перебив уставших союзников? Как бы там ни было, битва вышла упорной, несмотря на усталость и эффект неожиданности русы сопротивляются целых 3 дня. Пятитысячный отряд вырвался из окружения вверх по Волге, суда оставляют в землях буртасов, где их, якобы, окончательно перебили буртасы и волжские булгары. На месте основного сражения по данным аль-Масуди насчитали 30 тыс. убитых русов. Это была катастрофа. Однако, Супруты свидетельствуют, что не все русские отряды погибли. Какой-то относительно небольшой отряд сумел вырваться и по пути домой наткнулся на небольшую, но богатую крепость. Наверняка, русские вои решили окупить свои потери и отомстить хазарам, разорив их вассала на Упе. Григорьев видит в этом разгроме спланированную акцию: «Таким образом, главные задачи, которые решались в ходе военного похода, могут быть определены как: 1) общее снижение роли Донского торгового пути; 2) ликвидация его западного направления; 3) ослабление хазарского контроля над северным участком пути. Несомненную выгоду от этого получали древнерусские фактории, расположенные в верховьях Волги». Последствия разгрома также связываются с этой политикой: «Вполне вероятно, что одновременно с разгромом Супрутского городища и ликвидацией всей системы обслуживания торговых путей, Русь предприняла попытку укрепиться в регионе. Такое предположение основывается на любительских сборах, произведённых весной 2003 г. в нижнем относительно Супрут течении р.

Упа. Определить характер памятника до проведения научного обследования не представляется возможным, однако немногочисленный подъёмный материал весьма показателен и требует специального рассмотрения (рис. 60).

Бронзовая двухскорлупная ажурная овальная фибула является уникальной находкой для всего рассматриваемого региона. По типологии Я. Петерсона, она относится к типу 51Ы (R. 652) и датируется 1-й пол. X в. [Petersen J., 1928. S. 57. Fig. 51Ы; Janssonl, 1985. Р. 70—71. Fig. 54, 55]. Фрагмент бронзового литого браслета с плетёным орнаментом также имеет аналогии в скандинавских, в частности норвежских древностях IX в. По той же типологии он относится к типу 186 [Petersen J., 1928. S. 154. Fig. 186]. Происхождение литой бронзовой трехрогой лунницы можно связать с западнославянскими землями, где подобные украшения датируются 2-й пол. IX — 1-й пол. X вв. [Poulik J., 1950. S. 81. Obr. 41b; DekanJ., 1976. Obr. 153—155]. Территориально близкие аналогии имеются в материалах памятников Подонья — Титчихинского и Кузнецковского городищ, а также Гнездовского поселения — и относятся, вероятно, к 1-й пол. — сер. X в. [Москаленко А. Н., 1965. С. 122, 123. Рис. 42; Ефименко П. П., Третьяков П. Н., 1948. С. 103. Табл. XVIII, 4; Путь из варяг... С. 61. № 385]. Кроме описанных предметов, в коллекции сборов имеются бронзовый бубенчик, бронзовый пруток, железный наконечник стрелы, железная пила, серебряный дирхем, чеканенный наместником Табаристана Умар б. Ала во 2-й пол. VIII в., и фрагмент подобной монеты.

Набор предметов позволяет датировать их весьма широко — IX — сер. X вв., однако, если предположить, что вещи относились к единому комплексу, дата его может быть сужена до 1-й пол. X в. При этом обнаруживается очевидное сходство с комплексами дружинных памятников. Не исключено, что после уничтожения раннеславянских поселений в бассейне Упы одна из русских дружин попыталась установить контроль над участком Донского пути. Однако, как отмечалось ранее, в результате разгрома инфраструктуры перестал функционировать и сам путь. В сложившейся ситуации господство над Упой потеряло всякий смысл». Прямо скажем, выводы на основании нескольких случайных находок довольно смелые. Они могли оказаться в окрестностях самыми разными способами. Это все-таки торговый путь. Могли их оставить и беглецы из Хазарии. Никаких реальных фактов, подтверждающих столь раннюю попытку Руси закрепиться в Вятичах, у нас нет.

В пользу того, что столица Вятичского края была уничтожена случайно, говорит и то, что крепость так и не была ограблена. Археологические исследования говорят об этом со всей очевидностью. Может быть боялись преследующих хазар, но скорее всего с округи стали собираться подкрепления и победителям ничего не оставалось, как бежать дальше. А может быть, их и перебили (вот и расположились украшения и добыча из

Табаристана по окрестностям). Трудно согласиться и с тем, что именно уничтожение Супрутов послужило причиной уничтожения всей инфраструктуры. Сам А.В. Григорьев пишет: «Какая-то часть дирхемов, не сопоставимая с предшествующим периодом, продолжает поступать по Дону, о чем говорят клады X в. (Саркел, Титчиха, Борозденок)». То есть, торговля сохраняется, но падают объёмы. Специалисты отмечают, что как раз в это время резко падает число дирхемов в Восточной Европе. Связывают её как с торговой блокадой Руси со стороны Хазарии, так и с экономическим упадком в Багдадском халифате. В тоже время развивается волжская торговля. Начинается подъём Волжской Болгарии. Русские караваны, торговавшие посредством Хазарии по «Анонимной записке» и прибывавшие в Багдад при ибн-Хордадбеке, теперь торгуют с Востоком через Волжскую Болгарию. Там их встретил в 922 г. ибн-Фадлан и оставил красочное описание похорон знатного руса. Скорее всего именно расцвет среднеазиатских Саманидов, на которых переориентировались болгары на Волге и русь после хазарского предательства (а также последовавшей затем, судя по всему, русско-хазарской войны, с которой я связываю летописные известия о присоединении Северской земли и Радимичей Вещим Олегом.

Причём, упадок, скорее всего, начался раньше, так как никто даже не попытался восстановить торговые коммуникации. А.В. Григорьев пишет: «Быстрое развитие славян региона, несомненно, было тесно связано с жизнью торгового пути. Поэтому неудивительно, что одновременно с прекращением движения товаров и монетного серебра распадается и система поселений. Вопрос в том, какое из этих явлений было первичным. Если предположить, что первопричиной явились прекращение функционирования торгового пути, то можно было бы допустить постепенное затухание жизни на связанных с ним поселениях. Однако все исследованные памятники раннего периода носят отчётливые следы пожара, а Супрутское городище — очевидного разгрома. По всей видимости, не поселения прекратили своё существование вслед за исчезновением пути, а наоборот, путь перестал функционировать вследствие ликвидации его инфраструктуры». Наверняка, ещё одним фактором, сделавшим торговлю по Дону неликвидной, была активизация печенегов.

Вятичи в X веке

Дальнейшее 10-е столетие в истории вятичей, пожалуй, самый плохо изученный период. Памятники 11-13 вв. весьма неплохо изучены. Именно этот материал лег в основу классической монографии Никольской. Её «Вятичи» не про 9-10 вв., а про более поздний, главным образом, русский период в истории края.

То немногое, что на сегодняшний день можно сказать о постсупротском 10 веке Вятичей, уже сказал наш незаменимый А.В. Григорьев: «После уничтожения участка торгового пути и связанной с ним поселенческой системы ситуация в регионе принципиально меняется. Славянские памятники, которые можно было бы отнести к развитому X в., совершенно не изучены. Поэтому сегодня невозможно определить происхождение населения этих поселков. Возможно, на новые места переселились оставшиеся в живых жители разоренных поселений раннего периода. Косвенно на это может указывать сохранение традиций погребального обряда в районах, прилегающих к нижнему течению Упы. Не исключен и приход новых славян колонистов из районов Верхней Оки. Поселения, содержащие в подъемном материале исключительно (или преимущественно) лепную керамику, располагаются в тех же условиях, что и более поздние, датирующиеся XI в.

Структура поселений, которая начинает формироваться в X в. и развивается впоследствии, резко отличается от структуры, характерной для раннего периода. В это время начинается освоение земель, лежащих в стороне от основных рек, по небольшим притокам. Формируются небольшие «гнезда», состоящие из нескольких компактно расположенных селищ. Складывающаяся поселенческая структура обычна для всей территории распространения памятников роменского круга. Она позволяет говорить о начале полного хозяйственного освоения региона. Судя по небольшому количеству памятников, процесс этот до рубежа X—XI вв. шёл постепенно, вероятно, за счёт естественного роста населения и небольшой миграции с юга».

О политической истории Вятичей мы можем сказать лишь очень немногое. Тот факт, что археологам не известно ни одного центра, аналогичного хотя бы Супрутам, с княжеской властью решили не заморачиваться. Летописный рассказ о походе Святослава Храброго на Оку описывает переговоры русского полководца с Вятичами. Последние выступают как некое коллективное целое, возможно, союз местной знати. Эдакое "боярское" вече. Более подробно, если это возможно, будет описана социально-политическая структура Вятичей в следующем очерке. Но и в 12 веке краем фактически будет управлять некое вече, собиравшееся в граде Дедославле, который ищут в окрестностях Тулы.

Вятичи, как политическое целое, вплоть до 965 г. признавали некий сюзеренитет Хазарии. Это подтверждает и русское летописное предание, и, менее надёжно, письмо хазарского "царя" - бека Иосифа испанскому государственному деятелю Хасдаи ибн-Шафруту, где среди данников упоминаются некие "В-н-н-тит" (рядом еще упоминается народ "С-в-р", в которых кто-то хочет видеть летописную северу, но я склонен считать их степняками - савирами). В 964-м, согласно русской исторической традиции, вятичей посетил Святослав Игоревич, очевидно, предъявляя

свои права на вятическую дань, по примеру Вещего Олега, отжавшего у хазар Северу и Радимичей. Вятичи сослались на свои обязательства перед хазарами. Святослав решил вопрос кардинально. В следующем году он уничтожил Хазарское государство, просуществовавшее более трёх веков. Вятичи, очевидно, не испытывали по этому поводу какого-либо питета перед Русью и справедливо считали, что никому теперь не обязаны. В Киеве считали иначе и следующим 966-м годом летопись отмечает поход НА вятичей. Вятичи проиграли войну и обязались платить Руси дань. Как долго эта зависимость продолжалась мы не знаем. Вскоре Святослав втягивается в большой европейский политик, отправившись воевать на Балканы, в 972 г., после гибели "князя-пардуса", его сыновья начинают враждовать и в ходе этой вражды умирают различными способами Ярополк Киевский и Олег Деревский. Единовластным правителем Руси остается внебрачный сын, обладавший огромным запасом везения - Владимир, начавший как новгородский князь, а закончивший как каган крупнейшей европейской державы, равноапостольный зять византийского императора и Святой. Что там осталось от державы предков в начале правления Владимира судить сложно. Но, вплоть до крещения 988 г. Владимир почти каждый год совершает походы против бывших данников или в поисках новых - галицкие хорваты, радимичи, война с "ляхами" за Червенские города на Волыни, ятвяги... Против непокорных вятичей за два года - два похода. Это наводит на мысль, что Ярополк Киевский вятической дани едва ли получал, а может быть и Святослав потерял вятичей как только ушёл на свою последнюю войну. Как долго получал дань Владимир, мы не знаем. Но, после смерти святого кагана всея Руси его сын Глеб, если верить житийному преданию, предпочёл отправляться из Мурома в Киев кружным путём - через Суздаль, Ростов, верховья Волги и далее по Днепру вниз в столицу. Это наводит на мысль, что дорога прямоеездная из Мурома в Киев не считалась безопасной для вечно молодого князя (так то, Борис и Глеб должны были родиться до крещения 988 года, а значит младшему было не менее 27 лет!), что волей-неволей рождает аналогии с образом былинного Соловья Разбойника в Брынских лесах, перекрывающего эту самую дорогу. Спустя ещё полвека Владимир Мономах проедет этим прямоеездным путём и в мемуарах перечислит эти поездки в числе своих подвигов. А в 70-е гг. 11 века ему придётся дважды воевать с вятическими полевыми командирами - Ходотой и его сыном.

* <https://ortnit.livejournal.com/152418.html> -- **Очерки истории земли Вятичей. Часть 7 (начало)**

Вятичи в 11 веке

«Значительные, во многом революционные изменения в жизни населения бассейна Упы происходят в 1-й трети XI в., когда резко возрастает количество известных поселений» - пишет А.В. Григорьев. В этот период, судя по археологическим материалам, край переживает настоящий демографический бум. Растёт число поселений, появляются крупные крепости. Одновременно отмечаются серьёзные изменения в материальной культуре: «Основное заселение в это время идёт вдоль Упы, за исключением её верхнего течения, а также к северу от реки, в междуречье рек Упа и Ока. Меняются и многие черты материальной культуры. Так, ведущим типом керамики становится славянская раннекруговая посуда. Рост её доли в керамическом комплексе происходит взрывообразно — на возникающих памятниках раннекруговая керамика изначально присутствует в большом количестве. Основные типы украшений, известные на памятниках этого периода, могут быть отнесены к общерусским, своеобразие сохраняется лишь в изготовлении серёг (височных колец). Столь же резко меняется и погребальный обряд: на смену кремации на стороне приходит ингумация на горизонте».

Сочетание резкого роста населения с материальными и духовными нововведениями приводят исследователя к логичному выводу: «Такой быстрый рост населения с сопутствующими изменениями в ряде черт материальной культуры не может объясняться процессами, происходящими внутри местного общества. Очевидным представляется мощный приток населения извне. Этот процесс коснулся не только и не столько бассейна Упы. В то же время идёт активное заселение всего среднего течения р. Оки, вплоть до Старой Рязани, осваиваются её левые притоки, в частности р. Москва. Возникает закономерный вопрос: откуда и по какой причине произошло столь масштабное перемещение населения?» Откуда же такой приток населения и в чём причина переселения в этот глухой тогда край? – возникает следующий вопрос. Читавшие «Северские очерки» ответ уже знают, но нужно немножко представить систему доказательств.

Итак, Григорьев отмечает следующие элементы культуры, помогающие определить метрополию нового населения Вятского края: 1) приёмы возведения укреплений Тимофеевского городища тесно связаны с фортификационной традицией различных вариантов роменской культуры; 2) керамика, как лепная, так и раннекруговая, несомненно, относится к позднероменскому кругу древностей (Тимофеевского городища выглядит как развитие комплекса Тазово); 3) единственный местный тип украшений — кольца «деснинского» типа — происходит из лучевых серёг, характерных исключительно для памятников роменского круга древностей. Помимо собственно Вятской к роменскому кругу относятся следующие «культурные провинции»: Среднее и Верхнее Подонье, Северская земля, земля радимичей и верхнеокских вятчей. Подонье Григорьев исключает сразу:

«Большая часть поселений, расположенных непосредственно по р. Дон, прекращает своё существование ещё во 2-й пол. X в., вероятно, вследствие похода Святослава Игоревича на Саркел. К началу XI в. продолжали существовать лишь поселения по притокам р. Дон, Воронеж, Красивая Мечка, возможно, Быстрая Сосна. Как и когда эти памятники прекратили функционировать — в силу недостаточной изученности сказать сложно. Однако количество населения в Подонье в нач. XI в. было явно недостаточно для заселения огромных территорий». Аналогичные аргументы приводятся для Радимичей, более того: «Судя по большому количеству курганов, датирующихся XI в., население земли радимичей в это время не сократилось, а, возможно, даже несколько возросло. Никаких признаков массового ухода жителей из этих мест не наблюдается. Высказывавшееся в литературе предположение о заселении бассейна Москвы со стороны радимичей основывалось почти исключительно на наличии в обоих регионах колец «деснинского» типа [Недошивина Н. Г., 1980. С. 109, 110; Гоняный М. И., 1999. С. 144; I Шполянский С. В., 1999. С. 151]. При рассмотрении этого типа украшений отмечалось, что местом их происхождения можно считать землю вятичей, и, следовательно, они не могут свидетельствовать о приходе населения откуда бы то ни было. Присутствие в небольшом количестве лучевых колец типа V, по Е. А. Шинакову, и указывает на связи с Северской землёй, а не с территорией радимичей».

Таким образом, остаётся только Северская земля. Это наиболее развитая часть роменского культурного мира. Здесь в 10 веке наблюдается несомненный расцвет. Исследованные городища северы превосходят площадью древнерусские, возникшие на их пепелище, например, провинциальный в 12 в. Новгород-Северский в 10 веке был одним из крупнейших населённых пунктов славянской Восточной Европы. Все говорит о том, что это одна из самых густонаселённых областей будущей Киевской Руси, но все резко меняется на рубеже 1-й и 2-й трети 11 века. Города и поселения уничтожены, повсюду следы насильственного уничтожения, происходит многократное сокращение населения [Григорьев А. В., 2000. С. 222]. В южной части земли вятичей также резкое уменьшение поселений. Далее, сам Григорьев: «Резкое уменьшение населения в одних регионах и синхронный ему рост в соседних позволяют достаточно уверенно говорить о массовом переселении из южных районов распространения роменской культуры в северные».

Новая поселенческая структура отличается от Супрутского периода. Поселения, как и в большинстве областей славянского мира, располагаются «гнёздами», что указывает на их общинный характер. При этом, в отличие от более ранней поселенческой структуры Северской земли, «в бассейне Упы не наблюдается каких-либо укреплённых или открытых административных центров подобных групп. Вероятно, в ходе миграции

произошла определённая деградация в межпоселенческих отношениях. Если на более раннем этапе у славян Днепровского Левобережья наблюдается тенденция к ослаблению родовых связей и усилию экономических и административных контактов, то в процессе переселения возрождаются архаичные родоплеменные отношения». Конечно, Григорьев с одной стороны, наверняка преувеличивает уровень развития общественных отношений Северской земли 10 века, а с другой стороны архаизирует общину вятичей. В сложившихся условиях было проще выжить сообща, условия хозяйства были сложнее, опасностей больше.

Среди немногочисленных исследованных поселений, претендующих на роль центров обширных территорий, объединяющих несколько общин, - городища у д. Тимофеевка и Кетри. Первый из них, наиболее изученный комплекс памятников у д. Тимофеевка в устье р. Волкона являлся и наиболее крупным: «Городище площадью более 1 га имело сложную систему деревоземляных укреплений. Площадь посада составляла 3,5 га. Кроме того, в непосредственной близости фиксируются два селища площадью примерно по 1,5 га. Следует отметить, что в XV в. городище использовалось в качестве детинца летописного г. Волкона (Волконск) — столицы удельного княжества. Вероятно, и в XI в. поселение носило городской характер и являлось столицей некоего территориального объединения». Очевидно, что в подобных центрах складывается новая знать. Представителями её были известные борцы за независимость Вятичей от Руси — Ходота и его безымянный сын. Летопись про них просто не упоминает. В своих мемуарах Владимир Мономах упоминает их без княжеского титула. Тем не менее, часто можно встретить их определение как «князей вятичей». Нужно отметить, что в летописях правителей славиний, входивших в состав Руси, никогда не лишали княжеского титула. Примеры: Рогволод Полоцкий и Мал Древлянский. Так что, если Ходоту и его сына князем не называют, то скорее всего они этого титула и не имели. Ещё «Анонимная записка» отмечает, что кроме «главы глав» в «Стране славян» имелись некие «супанеджи», то есть, жупаны. Этот титул ассоциируется главным образом с южными славянами. У сербов и хорватов так назывались по началу правители общин или «племён», потом Великим жупаном был верховный правитель Сербского царства. У хорватов Далмации так называлось ближайшее окружение государя, аналог наших бояр. У венгров слово превратилось в «ишпанов» - графов. В бывших ободритских землях и кажется вообще у балтийских славян так называлась высшая знать и правители округов. В общем, у славян как на западе, так и на юге, а, судя по «супанеджам» и на дальнем славянском востоке, жупаны — это аналог скандинавских ярлов, болгарских и русских бояр и воевод. Очевидно, при общем упадке постсупротских вятичей, именно жупаны заменили князей, потомков легендарного Вячко и «Свиет-малика»/Святополка. Одним из таких жупанов во второй половине 11 в. и был скорее всего Ходота. В чем выражались отношения жупанских резиденций и сельской округи, мы не

знаем. Но, очевидно, все строилось на тех же отношениях суда и дани. Жупаны у вятычей были скорее всего чем-то вроде шерифов, следивших за порядком в своих округах – жупах или эдакими «шотландскими лэрдами».

Археология свидетельствует, что торговля играет в местной экономике крайне небольшую роль, особенно по сравнению с эпохой Супрут: «Количество импортов в это время невелико, редкие монеты представлены преимущественно медными подражаниями дирхемам и западноевропейским динариям. Очевидно, что хозяйство приобретает замкнутый натуральный характер. Возможные торговые пути, которые маркируются соответствующими гидронимами и топонимами как то: реки Волкона и Волоть, населённые пункты Протасово, Воловниково и Волохово, соединяли среднее течение Упы с Окой и имели исключительно внутреннее значение».

* <https://ortnit.livejournal.com/152831.html> -- **Очерки истории земли Вятычей. Часть 7 (конец)**

11 век – эпоха утверждения русской власти в Вятычах. Вятычи отвечали и силой (походы Мономаха против Ходоты и Ходотовича явно были ответом на вооруженное выступление непокорных данников) и мирным протестом. Начинаются процессы культурной самоизоляции, особенно ярко проявившиеся в XII — 1-й пол. XIII вв.: «В отличие от большинства славянских земель, местная традиция производства круговой керамики сохраняется вплоть до XII в. Влияние на неё со стороны древнерусской традиции минимально. Большая часть украшений в это время относится к общерусским типам, но уже появляются предметы, характерные преимущественно для земли вятычей. Такой вид украшений, как лучевые серьги, в предшествующий период присущий всей территории распространения культур роменского круга, в XI в. приобретает характер племенного индикатора. Наибольшее распространение у вятычей получают кольца «деснинского» типа, а с конца столетия — лопастные. С кон. XI в. получают распространение и решетчатые перстни, которые можно считать характерным признаком вятычей». Ингумация, получившая распространение у северских носителей роменской культуры примерно со 2-й пол. X в. [Григорьев А. В., 2000. С. 115—118], у вятычей распространения не получила, судя по описанию этого народа в ПВЛ. Демонстративное неприятие распространявшейся в Восточной Европе культуры древнерусского типа было ещё более подогрето массовой миграцией из Северской земли: «Окончательное включение Северской земли в состав Русского государства вызвало полное неприятие со стороны большинства славянского населения и, как следствие,— массовый уход северян в неподконтрольные Руси «лесные» земли. Вероятно, древнерусская

экспансия коснулась не только собственно Северской земли, но и южных районов земли вятичей. В бассейне Верхней Оки сложилась ситуация, во многом схожая с положением в среднем и верхнем течениях Десны. Здесь достаточно хорошо представлены роменские поселения и курганы X — нач. XI вв. и крайне слабо — памятники, которые с той или иной степенью достоверности можно датировать развитым XI в. Скорее всего значительная часть местного вятичского населения, как и населения Северской земли, была вынуждена отойти на север».

Переселение больших масс нового населения привели к изменению границ Вятичского края: «Ранние памятники распространяются преимущественно по Оке и её притокам до устья Угры. Кроме того, небольшая группа поселений отмечается на Оке в районе впадения в неё рек Осётр и Москва, а также в окрестностях Рязани. В XI в. территория, заселённая славянами, значительно расширяется на север. В это время активно осваивается участок Оки на всем протяжении от устья Угры до устья Прони, начинается продвижение населения вверх по левым притокам Оки, рекам Протва, Нара, Москва».

На юге, напротив, происходит заметное сокращение территории вятичей: «Хорошо выраженные памятники позднего периода известны на Оке лишь немного выше впадения в неё Упы. Памятники бассейна Упы, которые в раннее время располагались по части северной границы земли вятичей, в XI в. оказались в непосредственной близости от её южных рубежей. Интересно отметить, что южная граница зоны распространения поселений позднего периода очень близка границе вятичей, предложенной А. К. Зайцевым на основании летописных известий XII в. [Зайцев А. К., 1975. С. 26, карта]. Несомненно, для сер. — 2-й пол. XII в. речь идет не об этнической границе (в это время вятические памятники вновь появляются на юге), а о политической границе черниговских вятичей [Зайцев А. К., 1975. С. 29, 30]. Однако формирование этой границы, вероятно, относится к предшествующему времени, к периоду, когда, несмотря на территориальные потери, земля вятичей ещё сохраняла свою независимость».

Можно представить, что видели и чувствовали Мономах и его соратники, проезжавшие по этим лесным землям, когда молодой Владимир Всеволодович «к Ростову идохъ сквозь ВАТИЧЬ» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247]. Последствия такого отношения не замедлили себя ждать. Когда Мономах стал черниговским князем (с 1078 по 1094), начинается открытая война с вятичами: «въ Ватичи ходихом по двъ зимъ на Ходоту и на сна его и ко Коръдну ходихъ» [ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248]. Вероятно, примерно в то же время фактически независимые Вятичи подвергаются нападениям с разных сторон. Вятические земли, которым так и не суждено было превратиться в особое княжество с единым центром, в начале 12 в. были поделены между Черниговским и Ростово-Суздальским (Подмосковье), а позднее и Муромо-

Рязанским княжествами. Собственное имя вятичей сохраняется только над одной из черниговских волостей, старого ядра последнего независимого от Руси восточнославянского народа, но и в московскую эпоху будут помнить о том, что воинственные и непокорные рязанцы – потомки вятичей, убивших ретивого проповедника монаха Кукшу.

Археология не нашла следов массовых разрушений конца 11 века, характерных для русского решения «северского вопроса»: «Включение земли вятичей в состав древнерусских княжеств не сопровождалось массовыми пожарами и значительными изменениями в материальной культуре, как это наблюдалось ранее в Северской земле. Сегодня с событиями кон. XI в. может быть связан лишь разгром Тимофеевского городища. Вероятно, в ходе борьбы с политической автономией в первую очередь уничтожались административные центры территорий. Функции последних перешли к многочисленным вновь создаваемым городам, хорошо известным по письменным источникам». Города эти, очевидно, возникали на месте усадеб и замков местной знати, коллег Ходоты. Это наводит на мысль, что русские князья пошли по пути Карла Великого в Саксонии. Они вывели знать вятичей на новый уровень власти, привлекая на свою сторону. Знать из лидеров сопротивления превратилась в опору русской власти в лесной земле Вятичей. Это наблюдение подтверждается летописным описанием войны 1146-1154 гг., когда Юрий Долгорукий и Святослав Ольгович выступили единым фронтом против Изяслава Мстиславича и черниговских Давыдовичей. Вятичи выступают в эти годы как полунезависимая сила, союза с которой ищут обе воюющие стороны. Центром Вятичей выступает Дедославль, в котором собирается вече, скорее всего совет местной знати.

В 12 веке лесостепные территории Черниговского княжества уже страдают от недостатка населения. Междоусобицы и набеги половцев разоряют крестьянство и жителей малых городов. Люди уходят в лесные зоны. Лесной север начинает играть все большее значение, сначала экономическое (уже в упомянутых событиях победу в борьбе за Чернигов одерживает тот князь, который контролирует лесные области), а затем и политическое. В начале 13 века территория, которая более всего сопротивлялась Рюриковичам, превращается в оплот их власти. Брянск, а позднее Козельск, Карабев, Новосиль, Одоев, Воротынск, Таруса, Белев – именно эти города будут хранить традицию черниговской государственности после монголо-татарского нашествия. Брянск превратится в столицу Черниговского княжества, но уже на Калку черниговские полки ведёт Мстислав КОЗЕЛЬСКИЙ и только потом Черниговский. Вятические города становятся постоянными резиденциями черниговских Ольговичей ещё на рубеже 12-13 вв. Здесь же, в Верховских княжествах, Ольговичи уцелеют и после краха государственности. Да что там, даже Москва стоит на вятической земле. Подобно тому, как

правопреемником франкской великодержавности стал народ саксов, которых Карл Великий едва ли не истребил, так и вятичам, долее всего сопротивлявшимся русской власти, предстояло стать собирателями земли Русской! Но, это все будет впереди, а пока: «Реакция местного населения на установление новой власти нашла свое отражение в археологических материалах. Начиная с рубежа XI—XII вв., наблюдается широкое распространение украшений, характерных исключительно для вятичей. Утрата самостоятельности привела к резкому росту протестного самосознания. По этой причине последующее включение вятичей в общерусскую культурную традицию проходило чрезвычайно медленно».

Конец.